

Идеи Рыкова, направленные на расширение местной инициативы, не могли не вызвать нареканий со стороны партгосаппарата. Оппонируя чиновникам в речи на XII съезде РКП(б) он говорил, что управлять страной, которая насчитывает громадное число жителей и которая охватывает одну шестую часть суши, на основе бюрократического централизма невозможно [3].

К сожалению, замечания и предложения Рыкова не были услышаны и реализованы на практике. Решения в области хозяйственного развития продолжали генерироваться и приниматься в едином центре, а численность управленческого аппарата росла и ко времени горбачевской «перестройки» достигла 18 млн чиновников различного ранга и профиля. Результаты этого общеизвестны.

Список использованных источников

1. Орлов, А.С., Георгиева, Н.Г., Георгиев, В.А. Исторический словарь. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – С. 454, 591.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Изд-во полит. лит., 1967–1981 гг. – Т. 44. – С. 9.
3. Соловьев, А.А. Съезды и конференции КПСС: справ., 2-е изд. испр. и доп. – М.: Изд-во полит. лит., 1986. – С. 179–183, 334.

УДК 351.73 (09)

А.А. Мушта

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В РОССИИ НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ 1917 г.: ИНСТИТУТЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Вопрос государственной безопасности на протяжении всей истории России играл чрезвычайно значимую роль. Вполне логично, что на фоне существенного осложнения внутривнутриполитической ситуации и нарастания в стране общественного и революционного движения в конце XIX – в начале XX вв. правящими кругами был принят комплекс мер, направленных на усиление охранно-карательного аппарата. Исследование некоторых аспектов этого многопланового и, в значительной степени, запоздалого по своим социально-политическим последствиям процесса, получившего название «полицейская реформа», представляет не только научно-теоретический, но и познавательно-мировоззренческий, а в определенной степени – и практический аспект.

Историография проблемы. Изучение опыта деятельности государственных институций по сохранению устоев господствующего режима и объективная оценка комплекса принимаемых в этом направлении органами политической полиции России шагов в разные периоды развития исторической науки в СССР и БССР было различным и в целом отражало специфику господствующих политико-идеологических установок. Однако даже с учетом этого обстоятельства «полицейско-сыскная» проблематика получила глубокое отражение в научных публикациях и диссертационных исследованиях многих авторитетных ученых (П.А. Шуйский, Н.П. Ерошкин, А.Д. Степанский, З.И. Перегудова, А.А. Миролюбов, Ю.Ф. Овченко, Ю.А. Реент, Л.П. Рассказов, М.С. Чудакова, А.А. Зданович, В.С. Измозик и др.). В частности, заслуживает внимания основательная монография З.И. Перегудовой «Политический сыск в России: 1880–1917 гг.». [1].

Данной проблеме уделяли внимание и западные историки. В силу понятных причин некоторым работам присущи политически окрашенные оценки. Наиболее показательны в этом плане исследование известного американского исследователя с польскими корнями, доктора философии, профессора-советолога Р. Пайпса. Так, в книге «Россия при старом режиме» Р. Пайпс утверждал, что уже в 1880-х гг. в российской империи наличествовали все элементы полицейского государства, а в начале XX в. царское правительство провело мероприятия, «шагнувшие за пределы полицейского режима и вступившие в еще более зловещее царство тоталитаризма» [2].

Из белорусских исследований представляют интерес публикации В.Е. Козлякова, посвященные деятельности самодержавных властей против террора, а также сформированной в Беларуси накануне и в период первой российской революции системе политического сыска, призванной бороться с радикальными элементами и структурами. Кроме того, политической полиции Российской империи и ее деятельности на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. посвящено диссертационное исследование А.Д. Гронского (Белгосуниверситет, 2003 г.).

Исходные понятия. Как отмечают исследователи, в России до революционных событий 1917 г. под термином «государственная безопасность» понималась безопасность Российской империи, принадлежащей государю-императору – всеобщему властителю. Впервые официально понятие «государственная безопасность» (что характерно, оба слова с большой буквы! – прим. авт.) было употреблено 13 июля 1826 г. в Манифесте российского государя Николая I «О совершенствовании приговора над Государственными преступниками (участниками восстания

декабристов 1825 г. – прим. авт.), в котором говорилось о том, что приговоры Верховного Уголовного Суда император смягчил, «... сколько долг правосудия и Государственная Безопасность позволяли» [3, с. 6].

Одним из инструментов обеспечения государственной безопасности является *политический сыск* (или розыск). Этим термином в дореволюционной России обозначалась совокупность специальных оперативно-розыскных мероприятий непроцессуального характера (внутреннее и наружное наблюдение, а также перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции), проводимых уполномоченными на то особыми государственными органами (спецслужбами), по установлению неизвестных или скрывшихся государственных преступников; в более широком понимании – преследование за преступления против государства [4, с. 27]. В своей монографии В.С. Измозик считает сделать очевидное, как представляется, уточнение, что политический сыск «в значительной мере является реакцией на уже происшедшее или то, что может произойти» [5].

Основные институты. Во многих исследованиях проводится мысль, что каждому из этапов социально-политического развития России и связанного с ними конкретному периоду революционного движения была присуща и специфическая система органов политического сыска.

Справочно. 6 августа 1880 г. в системе Министерства внутренних дел был создан Департамент полиции с основной функцией предупреждения и пресечения преступлений и охраны общественной безопасности и порядка. К ведению Департамента относились охранные и розыскные отделения, городские и уездные полицейские учреждения, сыскные отделения, а также градоначальники, речная и фабричная полиция, адресные столы, пожарные команды. Департамент взаимодействовал с другим важным структурным звеном Министерства – политической полицией в лице Отдельного корпуса жандармов, его органами на местах (губернскими жандармскими управлениями и жандармскими полицейскими управлениями железных дорог).

Своеобразным «мозгом» Департамента, его ключевой структурой являлся Особый отдел. Симптоматично, что он стал функционировать в качестве самостоятельной структуры Департамента полиции лишь с 1 января 1898 г., т. е. спустя 17 лет после создания Департамента. Ранее (с 1881 г.) под таким же названием он входил в 3-е делопроизводство Департамента, которое занималось вопросами политического сыска. В составе этой структуры Особый отдел отвечал за разработку секретных сведений и перлюстрацию писем. Повышение статуса отдела являлось своеобразным ответом Министерства внутренних дел на усиление революционного движения в стране, рост влияния социал-демократического

движения среди рабочих, а также на волнения среди крестьян и студенчества, нарастание стачек на фабриках и заводах.

Особый отдел просуществовал 19 лет. Как отмечает З.И. Перегудова, деятельность отдела, его эффективность, разрабатываемые в его недрах методы политического сыска в решающей степени определялись теми лицами, которые его возглавляли [1, с. 62].

Справочно. В июне 1908 г. впервые в истории Департамента полиции во главе Особого отдела ставится жандармский офицер Евгений Константинович Климович, выходец из дворян Витебской губернии. Первоначально он воспитывался в Полоцком кадетском корпусе, затем в 1-м военном Павловском училище, которое закончил по 1-му разряду, впоследствии служил в 69-м пехотном Рязанском полку. В январе 1898 г. перешел в жандармерию и был прикомандирован к Штабу корпуса жандармов, исполняя отдельные поручения. В 1905 г. короткое время Е.К. Климович находился в распоряжении виленско-ковенского и гродненского генерал-губернатора, а с 21 июня 1905 г. исполнял обязанности виленского полицмейстера. Хотя в должности заведующего Особым отделом Климович был непродолжительное время (с июня 1908 г. до 26 декабря 1909 г.), его главной заслугой была более профессиональная организация работы по политическим партиям и организациям в губерниях и крупных городах. [1, с. 88–89].

К началу XX в. сложившаяся система, в силу заложенных в нее противоречий, начала переживать кризисные явления, «сбоить» в поиске ответов на новые вызовы и угрозы со стороны сил социального протеста и политической оппозиции. Так, политическая полиция в лице Отдельного корпуса жандармов была военной организацией, тогда как общая полиция – гражданским ведомством (низовое звено сельской полиции и вовсе было общественным формированием). «Управленческое раздвоение» проявлялось и в том, что высшим координирующим органом был определен Департамент полиции, а Отдельный корпус жандармов находился у него в оперативном подчинении. Однако в инспекторском, строевом и хозяйственном отношении Корпус подчинялся штабу Корпуса, а через него – военному министру.

Принятый впоследствии Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. также не определял детально задачи и компетенцию сыскной полиции, не предусматривал создание ее подразделений в уездах и образование общегосударственного центра, управляющего ее деятельностью.

На этом фоне по распоряжению министра внутренних дел при Департаменте полиции в конце 1912 г. было образовано Особое совещание из представителей политического розыска по пересмотру вопросов, от-

носящихся к этой области, разрешение которых должно содействовать «достижению наилучшей постановки планомерного политического розыска в империи» [1, с. 100].

Необходимость проведения реформы полиции признавалась многими деятелями. Тем не менее работа комиссии Государственной думы затянулась практически на десять лет. За период ее деятельности принималась масса временных узаконений по усилению полиции в различных местностях России. В 1916 г. проект о преобразовании полиции все еще находился на рассмотрении в Государственной думе. Усилившееся революционное движение побудило Министерство внутренних дел срочно форсировать лишь те предложения, которые могли усилить надежность полиции как государственного института.

Тем не менее принятые рекомендации и временные установления, а также многочисленные кадровые перестановки в системе МВД и его политического розыска так и не смогли снять противоречия между отдельными ветвями системы политического сыска, характерными вплоть до февраля 1917 г., повысить ее эффективность в целом.

Технологии. Оценивая состояние политического розыска в империи в период революции 1905 г., полковник Отдельного корпуса жандармов В. Уранов определил политический розыск как «систему обнаружения секретной агентурой революционных организаций, раскрытие их деятельности, состава и связей, проверку и развитие полученных сведений наружным наблюдением, а после достаточного освещения революционных групп – их ликвидацию, успешность которой оценивается по результатам обнаружения вещественных доказательств и задержанию главных деятелей» [6].

До начала XX в. политическая полиция царской России применяла в основном наружное наблюдение и перлюстрацию. Возникновение массового революционного движения, а затем и политических партий вызвало необходимость создания широкой агентурной сети. На важность постановки секретной агентуры указывали такие крупные фигуры политического сыска, как С.В. Зубатов, Г.М. Трутков, П.И. Рачковский.

В феврале 1907 г. Департамент полиции МВД разослал подведомственным розыскным учреждениям два документа, в которых излагались формы и методы работы политического розыска по изобличению государственных преступлений – инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Они, по сути, директивно положили в основу политического сыска России использование агентуры «внутреннего осведомления», а наружному наблюдению отвели вспомогательную роль [7].

Если говорить о количестве секретных агентов, то, как правило, наиболее многочисленная сеть внутренней агентуры действовала в столицах. Так, в «северной Пальмире», как отмечал начальник Петербургской охраны А.В. Герасимов, в 1909 г. действовали около 200 секретных сотрудников. В своем докладе вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов указывал численность секретной агентуры в Москве в 1912 г. числом 159 агентов. Что касается численности секретных сотрудников в других городах империи, то она распределялась неравномерно и зависела в основном от политической ситуации в регионе и усердия руководства.

В качестве основных направлений деятельности полицейских структур на территории Беларуси В.Е. Козляков выделяет: наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антисамодержавных действиях лиц; непосредственную работу с населением и попытки создания псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов; оперативно-розыскную деятельность полиции с целями упреждения террористических актов и поимки террористов; идеологическую работу, связанную с дискредитацией революционеров и усилением вероподданнических чувств по отношению к царскому режиму.

В Беларуси губернские жандармские управления, охранные отделения располагали определенной сетью агентуры в рядах местной оппозиции. Например, полиции удалось установить надзор за активистами Рабочей партии политического освобождения России, созданной в Минске в 1899 г. Некоторые из них – Г. Гершуни и Л. Клячко – были арестованы на основании донесений полицейской агентуры.

Выводы. История структур политического сыска самодержавной России непосредственным образом была связана с развитием российской государственности. На протяжении всего исторического пути они активно влияли на внутреннюю и внешнюю политику государства, стояли на страже его устоев.

В качестве важнейшего условия повышения эффективности действий карательно-розыскных органов их руководством и правящими кругами в целом рассматривалось своевременное реагирование на изменяющуюся историческую обстановку, что достигалось путем структурных, кадровых реорганизаций и даже реформированием системы политического сыска как таковой.

Вместе с тем, как отмечают многие исследователи, на главном, поворотном этапе развития Российской империи, ее полицейские органы волею объективных обстоятельств и стечением многих субъективных причин были поставлены в такие условия, что оказались не в состоянии

помешать изменить общую траекторию развития страны. Итог драматических событий 1917 г., на много лет вперед определивших судьбу России и населявших ее народов, зависел уже не от деятельности Департамента полиции и его подразделений, Министерства внутренних дел или военного ведомства, не игравших особой роли в происходившем. Этот исход предопределялся системными изъянами самого режима, а также силой и характером требований новых актеров, уверенно выходявших на политическую авансцену России.

Список использованных источников

1. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917). – М. : РОС-СПЭН, 2000. – 432 с.
2. Пайпс, Ричард. Россия при старом режиме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/66118/richard-payps-rossiya-pri-starom-rezhime-100.php>. – Дата доступа: 05.10.2017.
3. Кез, И.В. Сквозь годы и грозы XX века / Игорь Кез, Валений Мороз. – Брест : Альтернатива, 2014. – 384 с.
4. Рассказов, Л.П. Органы политического розыска Российской империи глазами зарубежных исследователей / Л.П. Рассказов, Я.А. Крутова. – Общество и право. – 2010. – № 1 (28). – С. 27–29.
5. Измозик, В.С. Жандармы России / В.С. Измозик. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 640 с.
6. Овченко, Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politicheskiy-rozysk-sredstvo-obespecheniya-bezopasnosti-rossiyskogo-samoderzhaviya-1880-1917-gg#ixzz4xq1gGEyh>. – Дата доступа: 31.10.2017.
7. Чудакова, М.С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekretnaya-agentura-departamenta-politsii-1907-1917-gg>. – Дата доступа: 15.10.2017.

УДК 323.28 (47 + 57) (09)

А.Ф. Вішнеўскі

ДЗЕЙНАСЦЬ ПРАКУРОРА А.Я. ВЫШЫНСКАГА Ў КАНТЭКСЦЕ ЎМАЦАВАННЯ САВЕЦКАГА ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОГА РЭЖЫМУ

Матэрыялы, змешчаныя ў розных даведніках, даюць падставу сцвярджаць, што біяграфія Андрэя Януар'евіча Вышынскага складзена з хітра падабраных дадзеных: высвечваюць адны факты і зацямяняць

другія. Вядома, што ён нарадзіўся ў Адэсе 28 лістапада 1883 г. у сям'і правізара. У пачатку 1890-х гг. яго бацькі пераехалі ў Баку, дзе працягвалі займацца аптэчнай справай. У 17-гадовым узросце ў гэтым горадзе А.Я. Вышынскі бліскуча закончыў мужчынскую класічную гімназію і ў 1901 г. паступіў на юрыдычны факультэт Кіеўскага ўніверсітэта, адкуль за нядобранадзейнасць у сакавіку 1902 г. быў выключаны. У 1903 г. уступіў у бакінскую арганізацыю РСДРП, а ў 1908 г. быў асуджаны да аднаго года пазбаўлення волі. Зняволенне адбываў у Баілаўскай турме, дзе тады знаходзіўся вядомы рэвалюцыянер Коба (Іосіф Вісарыёнавіч Джугашвілі), і нейкі час яны нават сядзелі ў адной камеры [1, с. 233].

Вышынскаму ўдалося зноў стаць студэнтам юрыдычнага факультэта Кіеўскага ўніверсітэта, які ў 1913 г. ён закончыў і праз два гады ў Маскве паступіў памочнікам да вядомага адваката Паўла Мікалаевіча Малянтовіча – чалавека з ярка выяўленымі ліберальна-дэмакратычнымі перакананнямі.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі Вышынскі становіцца старшынёй Якіманскай раённай управы г. Масквы і камісарам міліцыі, старанна выконвае ўсе загады Часовага ўрада, у тым ліку па вышуку і арышце У.І. Леніна. З перамогай Кастрычніцкай рэвалюцыі, у адрозненне ад многіх сваіх саратнікаў-меншавікоў, Вышынскі не выступаў адкрыта супраць новай улады. Захаваўся толькі адзін дакумент, дзе ён пакінуў сляды незадаволенасці ёю: подпіс пісьма групы меншавікоў, накіраванага ў 1919 г. Леніну, у якім яны патрабавалі палітычных свабод, спынення рэпрэсій і г. д. [2, с. 139].

Чаму з прыходам да ўлады бальшавікоў Вышынскі не робіць спробы ўступіць у шэрагі кіруючай палітычнай партыі? Справа ў тым, што ён быў не толькі адукаваным, але і вельмі асцярожным чалавекам. Да 1920 г. адчування непадзельнай перамогі бальшавікоў не было і прыналежнасць да меншавіцкай партыі Андрэя Януар'евіча не турбавала. З паспяховым заканчэннем Грамадзянскай вайны, разгромам замежных інтэрвентаў стала ясна: бальшавікі перамаглі. Таму ў 1920 г. Андрэй Януар'евіч падае заяву аб прыёме ў шэрагі РКП(б). Замаскварэцкі райкам даволі хутка задаволіў просьбу, з чаго можна зрабіць выснову, што Вышынскі меў падтрымку якойсьці высокай асобы. Ёсць падставы далучыцца да меркавання прафесара Пітэра Саламона, што гэтым дабрадзем быў сам Сталін [3, с. 152].

Запозненае ўступленне ў шэрагі камуністычнай партыі пазней наганяла жаху Вышынскаму, бо Сталін добра разумеў, якой стрэмкай сядзіць і будзе сядзець у свядомасці былога меншавіка далікатны эпізод – падпісанае распараджэнне аб вышуку, арышце і аддачы пад суд У.І. Ульянава (Леніна).